

ЕВГЕНИЙ ОНЬГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНИЯ.

1829.

Съ дозволенія Правительства.

ПОСВЯЩЕНО

БРАТУ ЛЬВУ СЕРГЬЕВИЧУ

ПУШКИНУ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено.

Нѣсколько пѣсень, или главъ Евгенія Онѣгина уже готовы. Писанныи подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ веселости, озnamеновавшей первыя произведения автора Руслана и Людмилы.

Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описание свѣтской жизни Петербургскаго молодаго генералька въ концѣ 1819 года и напоминаетъ Беппо, шутовое произведение мратнаго Байрона.

*Дальновидные критики замѣтили ко-
нечно недостатокъ плана. Всякой воленъ
судить о планѣ цѣлаго романа, проти-
ставъ первую главу онаго. Стануть осуж-
дать и антипоэтическій характеръ глав-*

VIII

наго лица, сбивающагося на Кавказскаго
Плѣнника, также нѣкоторыя строфы,
писанныя въ утомительномъ родѣ новѣй-
шихъ элегій, въ коихъ чувство унынія
поглощено всѣмъ прочія. Но да будетъ намъ
позволено обратить вниманіе гитателей
на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ
писателѣ: отсутствіе оскорбительной ли-
гности и наблюденіе строгой благопри-
стойности съ шутогномъ описаніи нравовъ.

Р А З Г О В О Р Ъ

КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

~~~~~

Книгопродавецъ (*).

Спишки для васъ одна забава,
Немножко споить вамъ присѣсть.
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорить, голова,
Плодъ новый умственныхъ запѣй.
И такъ рѣшише; жду я слова:
Назначте сами цѣну ей.
Спишки любимца музъ и грацій

(*) Замѣтимъ для щекотливыхъ блюстителей приличий, что Книгопродавецъ и Поэтъ оба лица вымышленныя. Похвалы первого не чисто иное, какъ свѣтская вѣжливость, притворство, необходимое въ разговорѣ, если не въ журналѣ.

XII

Мы вмигъ рублями замѣнимъ ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обрапимъ .
О чемъ вздохнули такъ глубоко ,
Нельзя ль узнать ?

П о э тъ.

Я былъ далёко :

Я время шло воспоминаль ,
Когда , надеждами богатый ,
Поэзія беспечный , я писаль
Изъ вдохновенья , не изъ платы .
Я видѣлъ вновь пріюпы скаль
И темный кровъ уединенья ,
Гдѣ я на пиръ воображенья ,
Бывало , музу призываль .
Тамъ слаше голосъ мой звучалъ ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья ,
Съ неизъяснимою красой ,

Вились, лепили надо мной
 Въ часы ночного вдохновенья.
 Все волновало нѣжный умъ :
 Цвѣтущій лугъ , луны блиспанье ,
 Въ часовнѣ ветхой бури шумъ ,
 Спарушки чудное преданье.
 Какой-то демонъ обладалъ
 Моими играми , досугомъ ;
 За мной повсюду онъ лепталъ ,
 Миѣ звуки дивные шепталъ ,
 И тяжкимъ , пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава ;
 Въ ней грезы чудныя рождались ;
 Въ размѣры спройные спекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой рифмой замыкались.
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсовъ , иль вихорь буйной ,
 Иль иволги напѣвъ живой ,

XIV

Иль ночью моря гулъ глухой ,
Иль шопотъ рѣчки тихоспруйной .
Тогда , въ безмолвіи прудовъ ,
Дѣлипсья не былъ я гоповъ
Съ полпою пламеннымъ воспоргомъ ,
И музы сладоспныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ ;
Я былъ хранишель ихъ скупой :
Такъ точно , въ гордости нѣмой ,
Опь взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранипъ любовникъ сувѣрной .

Книгопродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья пайнаго опрады :
Вы разошлись по рукамъ ,
Межъ тѣмъ , какъ пыльные громады
Лежалой прозы и спиховъ

Напрасно ждуши себѣ чищецовъ,
И вѣпренной ея награды.

П о э тъ.

Блаженъ, кто про себя шаилъ
Души высокія созданья,
И опь людей, какъ опь могилъ,
Не ждалъ за чувство воздалнья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ ли чищеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

Книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковскій то же говорилъ:

XVI

Но свѣтъ узналь и разкупиль
Ихъ сладкозвучныя пворенья.
И впрямъ, завиденъ вашъ удѣлъ :
Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчаетъ ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ спрѣль
Въ попомспѣвъ дальномъ поражаетъ ;
Героевъ упѣшааетъ онъ ;
Съ Кориной на Киїерскій шронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала для васъ докучный звонъ ;
Но сердце женщинъ славы проситъ :
Для нихъ пишиште ; ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анаkreона :
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

П о э тъ.

Самолюбивыя мечты ,
Упѣхи юности безумной !

И я, средь бури жизни шумной,
Искаль вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Успа волшебная шептала
Мнъ звуки сладкіе мои:
Но полно; въ жерпву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесеть;
Пускай ихъ Шаликовъ поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнъ до нихъ? Теперь въ глухи
Безмолвно жизнь моя несется;
Спонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтренной души;
Нечисло въ нихъ воображенье:
Не понимаешь нась оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо и смѣшино.
Когда на память мнъ невольно

XVIII

Придепъ внушенный ими спихъ,
Я такъ и вспыхну ; сердцу больно :
Мнѣ спыдно идоловъ моихъ.

Къ чему, несчастный, я спремился ?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ ?
Кого воспогромъ чистыхъ думъ
Богоизворить не успыдился ?

Книгопродавецъ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ !
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя ; но изключеній
Для милыхъ дамъ уже ли нѣть ?
Уже ли ни одна не споитъ
Ни вдохновеня , ни спрасшей ,
И вашихъ пѣсень не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей ?
Молчите вы.

Поэзъ.

Зачѣмъ поэту

Тревожить сердца тяжкій сонъ?
 Безплодно память мучитъ онъ.
 И что жъ? Какое дѣло свѣту?
 Я всѣмъ чужой. Душа моя
 Хранитъ ли образъ незабвенный?
 Любви блаженство зналъ ли я?
 Тоскою ль долгой изнуренный,
 Таилъ я слезы въ пишинѣ?
 Гдѣ ша была, копорой очи,
 Какъ небо, улыбались мнѣ?
 Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?
 .....
 И что жъ? Докучный спонъ любви,
 Слова покажутся мои
 Безумца дикимъ лепетаньемъ.
 Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
 И что съ печальнымъ содраганьемъ:

XX

Судьбою такъ ужъ рѣшено.
Ахъ, мысль о той души завлой
Могла бы юношь оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмущить!
Она одна бы разумѣла
Спихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, проську души моей:
Земныхъ воспорговъ изліяния,
Какъ божеству, ненужно ей.

Книгопродавецъ.

И такъ, любовью упомленный,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ откazались вы

Опъ вашей лиры вдохновенной.
 Теперь, оставя шумный свѣтъ,
 И музъ, и вѣпренную моду,
 Что жъ изберете вы?

П о э тъ.

Свободу.

Книгопрода́вецъ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ ;
 Внемлите испинѣ полезной :
 Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
 Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
 Что слава? Яркая заплата
 На вепихомъ рубищѣ пѣвца.
 Намъ нужно злата , злата , злата :
 Копите злато до конца !
 Предвижу ваше возраженье ;
 Но васъ я знаю , господа :
 Вамъ ваше дорогое творенье ,

XXII

Пока на пламени пруда
Кипитъ, бурлитъ воображенье ;
Оно засынептъ, и тогда
Поспело вамъ и сочиненье.
Позвольте проспю вамъ сказать :
Не продается вдохновенье ,
Но можно рукопись продать .
Что жъ медлишь ? Ужъ ко мнѣ заходицъ
Непрѣливые чтецы ;
Вокругъ лавки журналисты бродятъ ,
За ними плющіе пѣвцы :
Кто проситъ пиши для сатиры ,
Кто для души , кто для пера ;
И , признаюсь , опть вашей лиры
Предвижу много я добра .

П о э тъ.

Вы совершенно правы . Вопль вамъ моя
рукопись . Условимся .

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Pêtri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ЕВГЕНИЙ ОНЪГИНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

« Мой дядя самыхъ чеспныхъ правиль,
« Когда не вшупку занемогъ ;
« Онъ уважашь себя засставилъ
« И лучше выдумашь не могъ;
« Его примѣръ другимъ наука :
« Но , Боже мой , какая скука
« Съ больнымъ сидѣшь и день и ночь ,
« Не опходя ни шагу прочь !

« Какое низкое коварство
 « Полуживаго забавлять ,
 « Ему подушки поправлять ,
 « Печально подносить лѣкарство ,
 « Вздыхать и думашь про себя :
 « Когда же чортий возмешь шебя ! »

II.

Такъ думалъ молодой повѣса ,
 Лепя въ пыли на почтовыхъ ,
 Всевышней волею Зевеса
 Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ .
 Друзья Людмилы и Руслана !
 Съ героемъ моего романа
 Безъ предисловій сей же часъ
 Позвольше познакомишь васъ :
 Онѣгинъ , добрый мой пріятель ,
 Родился на брегахъ Невы ,

Гдѣ, можетъ бытъ, родились вы,
Или блиспали, мой чипашель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня ^{1.}.

III.

Служивъ отлично благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ при бала ежегодно
И промошался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва *Madame* за нимъ ходила,
Попомъ *Monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ быль рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дышя,
Училъ его всему шупля,
Не докучалъ моралью строгой,

**

Слегка за шалости браниль
И въ Лѣпній садъ гуляшь водилъ.

IV.

Когда же юноши мяшежной
Пришла Евгенію пора ,
Пора надеждъ и грусти иѣжной ,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ ;
Осприженъ по послѣдней модѣ ;
Какъ *Dandy* Лондонскій одѣшъ :
И наконецъ увидѣль свѣшъ.
Онъ по - французски совершенно
Могъ изъясняться и писаль ;
Легко мазурку шанцовалъ ,
И кланялся непринужденно :
Чего жъ вамъ больше ? Свѣшъ рѣшилъ ,
Что онъ уменъ и очень милъ ,

V.

Мы всѣ учились по - немногу,
 Чему нибудь и какъ нибудь :
 Такъ воспишаньемъ , слава Богу ,
 У насъ немудрено блеснуть .
 Онѣгинъ былъ по мцѣнию многихъ
 (Судей рѣшищельныхъ и строгихъ)
 Ученый малый , но педактъ .

Имѣлъ онъ счастливый талантъ
 Безъ принужденья въ разговорѣ
 Коснувшись до всего слегка ,
 Съ ученымъ видомъ знапока
 Хранишь молчанье въ важномъ спорѣ ,
 И возбуждашь улыбку дамъ
 Огнемъ нежданыхъ эпиграмъ .

VI.

Лашынъ изъ моды вышла нынѣ :
 Такъ , если правду вамъ сказашь ,

6

Онъ зналъ довольно по - лашынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирашь ,
Пополковашь объ Ювеналѣ ,
Въ концѣ письма посшавиши *vale* ,
Да помниль , хошь не безъ грѣха ,
Изъ Энейды два спиха.

Онъ рышься не имѣль охопы
Въ хронологической пыли
Бышописанія земли :
Но дней минувшихъ анекдоты
Отъ Ромула до нашихъ дней
Храниль онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой спрасши не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить ,
Не могъ онъ ямба опъ хорея ,
Какъ мы ни бились , опличить .

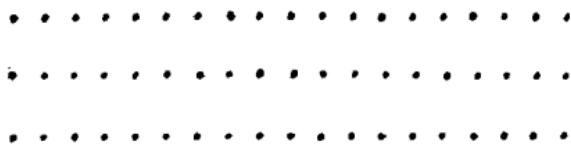
Браницъ Омера, Феокриста;
 За то чипаль Адама Смиша,
 И былъ глубокій экономъ,
 То есть, умѣль судишь о томъ,
 Какъ государство богатѣешь,
 И чѣмъ живешь, и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда простой продуктъ имѣешь.
 Отецъ понять его не могъ
 И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгений
 Пересказать мнѣ недосугъ;
 Но въ чемъ онъ испинный былъ геній,
 Что зналъ онъ шверже всѣхъ наукъ;
 Что было для него измлада
 И трудъ и мука и отрада,

Что занимало цѣлый день
Его прокурощую лѣнъ,
Была наука спрасши нѣжной,
Которую воспѣль Назонъ,
За что спрадальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мягкой
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей 2.

IX.

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣришь,
Таишь надежду, ревновашь,

Разувъяшь, заспавишь вѣришь,
 Казашься мрачнымъ, изнываши,
 Являясь гордымъ и послужнымъ,
 Внимашельнымъ, иль равнодушнымъ!
 Какъ шомно былъ онъ молчаливъ,
 Какъ пламенно краснорѣчивъ,
 Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
 Однимъ дыша, одно любя,
 Какъ онъ умѣль забыть себя!
 Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
 Спидливъ и дерзокъ, а порой
 Блисталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣль казаться новымъ,
 Шутя невинность изумляшь,
 Пугашь опчаяньемъ головымъ,
 Пріятной лесью забавляшь,

Ловишь минуту умиленья,
 Невинныхъ лѣпъ предубѣжденья
 Умомъ и спрасшю побѣждашь,
 Невольной ласки ожидать,
 Молишь и требовать признанья,
 Подслушашь сердца первый звукъ,
 Преслѣдовашь любовь и вдругъ
 Добиться шайнаго свиданья,
 И послѣ ей наединѣ
 Давашь уроки въ пишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ превожишь
 Сердца кокетокъ записныхъ!
 Когда жъ хотѣлось уничтожишь
 Ему соперниковъ своихъ,
 Какъ онъ язвительно злословилъ!
 Какія сѣти имъ готовилъ!

Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оспавались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фобласа давній ученикъ,
И недовѣрчивый спарикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

A decorative horizontal border at the top of the page, featuring three rows of small black dots arranged in a grid pattern.

xv.

Бывало, онъ еще въ поспѣхѣ:
Къ нему записочки несушъ.
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовушъ:

У Князя баль , у Графа праздникъ.
 Куда жъ поскакеши мой проказникъ ?
 Съ кого начнешь онъ ? Все равно :
 Вездѣ поспѣшь немудрено.
 Покамѣшь въ утреннемъ уборѣ ,
 Надѣвъ широкій боливаръ ,
 Онѣгинъ Ѣдешь на бульваръ ,
 И шамъ гуляепшь на просторѣ ,
 Пока недремлюющій Брегетъ
 Не прозвонишь ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно : въ санки онъ садится.
 Поди , поди : раздался крикъ ;
 Морозной пылью серебрится
 Его бобровый ворошникъ.
 Къ *Talon*³ помчался : онъ увѣренъ ,
 Что шамъ ужъ ждешь его ***.

Вошель: и пробка въ потолокъ,
 Вина комешы брызнуль шокъ ,
 Предъ нимъ *Rost-beef* окровавленный ,
 И трюфли , роскошь юныхъ лѣтъ ,
 Французской кухни лучшій цвѣтъ ,
 И Спразбурга пирогъ неплѣнныи
 Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ
 И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
 Залить горячій жиръ кошлеить ;
 Но звонъ Брегета имъ доносить ,
 Что новый начался балагъ.
 Театра злой законодатель ,
 Непостоянный обожашель
 Очаровательныхъ актрисъ ,
 Почешный гражданинъ кулись ,

Онѣгинъ полепѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, кришкой дыша,
Гоповъ охлопашь *Entrechat*,
Обшикашь Федру, Клеопатру,
Моину вызвать для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ спары годы,
Сапиры смѣлой властелинъ,
Блишаль Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлиль;
Тамъ нашъ Капенинъ воскресиль
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской

Своихъ комедій шумный рой ;
 Тамъ и Дидло вѣнчался славой :
 Тамъ , шамъ подъ сѣнью кулисъ
 Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини ! Что вы ? Гдѣ вы ?
 Внемлишь мой печальный гласъ :
 Все шѣже ль вы ? Другія ль дѣвы ,
 Смѣнивъ , не замѣнили васъ ?
 Услышу ль вновь я ваши хоры ?
 Узрю ли руской Терпсихоры
 Душой исполненный полетъ ?
 Иль взоръ унылый не найдешь
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной ,
 И , устремивъ на чуждый свѣтъ
 Разочарованный лорнепть ,
 Веселья зришель равнодушной ,

Безмолвно буду я зъвать
И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Паршеръ и кресла, все кипишъ;
Въ райкъ нестерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсь шумишъ.
Блистательна, полу воздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Споишъ Испомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ лепитъ,
Лепитъ, какъ иухъ опъ успѣ Эола;
То спанъ совьешъ, шо разовьешь,
И быстрой ножкой ножку бьешъ.

XXI.

Все хлопаешь. Онъгинъ входишь:
 Идешь межъ кресель по ногамъ,
 Двойной лорнешъ скосясь наводишь
 На ложи незнакомыхъ дамъ;
 Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
 Все видѣль: лицами, уборомъ
 Ужасно не доволенъ онъ;
 Съ мужчинами со всѣхъ споронъ
 Разкланялся, пошомъ на сцену
 Въ большомъ разсѣянъ взглянулъ,
 Ошворошился, и зѣвнулъ,
 И молвиль: всѣхъ пора на смѣну;
 Балеты долго я шерпѣль,
 Но и Диадло мнѣ надоѣль 4.

XXII.

Еще амуры, черпи, змѣи
 На сценѣ скачушъ и шумяшъ;

Еще усталые лакеи
 На шубахъ у подъѣзда спяшь ;
 Еще не перестали топать ,
 Сморкаться , кашляшь , шикать , хлопать ;
 Еще снаружи и внуши
 Вездѣ блистаюшь фонари ;
 Еще , прозябнувъ , бьются кони ,
 Наскуча упряжью своей ,
 И кучера , вокругъ огней ,
 Браняшь господъ и бьюшь въ ладони :
 А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ ;
 Домой одѣться Ѳдешъ онъ .

XXIII.

Изображу ль въ карпинѣ вѣрной
 Уединенный кабинетъ ,
 Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
 Одѣти , раздѣти и вновь одѣти ?

Все, чѣмъ для прихоти обильной
 Торгуешь Лондонъ щепешильной
 И по Балтическимъ волнамъ
 За лѣсъ и сало возишь намъ,
 Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
 Полезный промыселъ избравъ,
 Избрѣшаешь для забавъ,
 Для роскоши, для нѣги модной,
 Все украшало кабинетъ
 Философа въ осмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
 Фарфоръ и бронза на сполѣ,
 И, чувствъ изнѣженныхъ опрада,
 Духи въ граненомъ хрущалѣ;
 Гребенки, пилочки спальныя,
 Прямые ножницы, кривые,

И щепки трицаши родовъ

И для ногшай и для зубовъ.

Руссо (замѣчу мимоходомъ)

Не могъ понять, какъ важный Гrimъ

Смѣль чишишь ногши передъ нимъ,

Краснорѣчивымъ сумасбродомъ ⁵:

Защищникъ вольносши и правъ

Въ семъ случаѣ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ

И думашь о красѣ ногшай:

Къ чему безплодно споришь съ вѣкомъ?

Обычай десполъ межъ людей.

Второй ***, мой Евгений,

Боясь ревнивыхъ осужденій,

Въ своей одеждѣ былъ педаншъ

И то, что мы назвали франшъ.

Онь шри часа , по крайней мѣрѣ ,
Предъ зеркалами проводилъ ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтренной Венерѣ ,
Когда , надѣвъ мужской нарядъ ,
Богиня ёдешь въ маскарадъ .

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ шуалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣшомъ
Здѣсь описать его нарядъ ;
Конечно бѣ это было смѣло ,
Описывашь мое же дѣло :
Но панталоны , фракъ , жилетъ ,
Всѣхъ этихъ словъ на рускомъ нѣшъ ;
А вижу я , винюсь предъ вами ,
Что ужъ и шакъ мой бѣдный слогъ

Пестрѣть гораздо меныше бѣ могъ
 Иноплеменными словами,
 Хоть и заглядывалъ я вспарь
 Въ Академическій словарь б.

XXVII.

У насъ теперъ не шо въ предмешѣ :
 Мы лучше поспѣшимъ на баль ,
 Куда спремглавъ въ ямской каретѣ
 Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
 Передъ номеркими домами
 Вдоль сонной улицы рядами
 Двойные фонари каретъ
 Веселый изливаюшъ свѣтъ
 И радуги на снѣгъ наводяшъ ;
 Усѣянъ плошками кругомъ ,
 Блескшпъ великолѣпный домъ ;
 По цѣльнымъ окнамъ шѣни ходяшъ ,

Мелькають профили головъ
И дамъ и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вошь нашъ герой подъѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо, онъ спрѣлой
Взлещѣлъ по мраморнымъ спушенямъ,
Разправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремѣшь успала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ и шѣснота;
Брянчашь кавалергарда шпоры;
Лепаюшь ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнишельнымъ слѣдамъ
Лепаюшь пламенные взоры,
И ревомъ скрипокъ заглушенъ
Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
 Я быль ошъ баловъ безъ ума:
 Вѣрнѣй иѣтъ мѣста для признаній
 И для врученія письма.
 О вы, почтенные супруги!
 Вамъ предложу свои услуги;
 Прошу мою замѣтишь рѣчъ:
 Я васъ хочу предосперечь.
 Вы также, маменьки, поспроже
 За дочерьми смотрите вслѣдъ:
 Держите прямо свой лорнешъ!
 Не то... не то избави, Боже!
 Я эшо потому пишу,
 Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
 Я много жизни погубиль!

Но если бъ не спрадали иравы,
 Я балы бъ до сихъ поръ любилъ.
 Люблю я бѣшеную младоспь,
 И шѣсноту, и блескъ, и радоспь,
 И дамъ обдуманный нарядъ;
 Люблю ихъ ножки: шолько врядъ
 Найдете вы въ Россіи цѣлой
 Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
 Ахъ, долго я забыть не могъ
 Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой,
 Я все ихъ помню, и во сиѣ
 Онѣ превожашъ сердце мнѣ.

XXXI.

Когда жъ, и гдѣ, въ какой пусшынѣ,
 Безумецъ, ихъ забудешь шы?

Ахъ, ножки, ножки! Гдѣ вы нынѣ?
 Гдѣ мнеше вешніе цвѣты?
 Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ,
 На сѣверномъ, печальному сиѣгѣ
 Вы не оставили слѣдовъ:
 Любили мягкихъ вы ковровъ
 Роскошное прикосновенье.
 Давно ль для васъ я забывалъ
 И жажду славы и похвалъ,
 И край опіевъ и запоеченье?
 Исчезло счастье юныхъ лѣтъ,
 Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ.

XXXII.

Діаны грудь, ланины Флоры
 Прелестны, милые друзья!
 Однако ножка Терпсихоры
 Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.

Она, пророчествуя взгляду
 Неоцѣненную награду,
 Влечешъ условною красой
 Желаній своевольный рой.
 Люблю ее, мой другъ Эльвина,
 Подъ длинной скатертью споловъ,
 Весной на муравѣ луговъ,
 Зимой на чугунѣ камина,
 На зеркальномъ паркетѣ залъ,
 У моря на гранилѣ скаль.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
 Какъ я завидовалъ волнамъ,
 Бѣгущимъ бурной чередою
 Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
 Какъ я желалъ тогда съ волнами
 Коснуться милыхъ ногъ успами!

**

Нѣпъ, никогда средь пылкихъ днѣй
 Кипящей младоспи моей
 Я не желалъ съ шакимъ мученьемъ
 Лобзашь уста младыхъ Армида,
 Иль розы пламенныхыхъ ланишъ,
 Иль перси, полныя томленьемъ;
 Нѣпъ, никогда порывъ спрасшей
 Такъ не шерзаль души моей.

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
 Въ завѣшныхъ иногда мечтахъ
 Держу я счастливое спремя
 И ножку чувствую въ рукахъ;
 Опять кипишъ воображенье,
 Опять ея приосновеніе
 Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
 Опять поска, опять любовь...

Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своей:
Онѣ не споятъ ни спрастей,
Ни пѣсень , ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы , какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала Ѣдешь онъ:
А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробуждёнъ.
Вспаешь купецъ , идешь разнощикъ ,
На биржу шлянепися извощикъ ,
Съ кувшиномъ Охшенка спѣшишь ,
Подъ ней снѣгъ упренній хруспишь.
Проснулся упра шумъ пріятный ,
Ошкрыпты сшавни , трубный дымъ

Столбомъ возходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, Нѣмецъ акуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, неразъ
Ужъ опворяль свой *васисдасъ*.

XXXVI.

Но, шумомъ бала ушомленной,
И упро въ полночь обратя,
Спокойно спиши въ шѣни блаженной
Забавъ и роскоши дышя.
Проснешся за полдень, и снова
До утра жизнь его гопова,
Однообразна и пестра,
И завтра тоже, чпо вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгений,
Свободный, въ цвѣти лучшихъ лѣпъ,
Среди блісшательныхъ побѣдъ,
Среди вседневныхъ наслажденій?

Воюще ли былъ онъ средь пировъ
Неоспороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣшь: рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣша шумъ;
Красавицы недолго были
Предмѣтъ его привычныхъ думъ;
Измѣны упоминъ успѣли;
Друзья и дружба надоѣли,
За шѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Спразбургскій пирогъ
Шампанской обливать бушылкой
И сыпать оспрыя слова,
Когда болѣла голова:
И хошь онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань и саблю и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, кошораго причину
Давно бы ошыскашь пора,
Подобный Англійскому *Сплину*,
Короче: Русская *Хандра*
Имъ овладѣла по-немногу;
Онъ заспрѣлился, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ *Child-Harold*, угрюмый, шомный
Въ госпиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣща, ни боспонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничшо не прогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

XLII.

Причудницы большаго свѣта!
 Всѣхъ прежде вась оспавилъ онъ.
 И правда шо, чпо въ наши лѣта
 Довольно скученъ лучшій шонъ.
 Хоть, можешъ бысть, иная дама
 Толкуешь Сея и Бенгама;
 Но вообще ихъ разговоръ
 Несносный, хоть невинный вздоръ.
 Къ тому жъ онъ шакъ непорочны,
 Такъ величавы, шакъ умны,
 Такъ благочестія полны,
 Такъ осмотрительны, шакъ точны,
 Такъ неприспупны для мужчинъ,
 Что видъ ихъ ужъ раждаешъ сплинъ 7.

XLIII.

И вы, красочки молодыя,
 Кошорыхъ позднею порой

Уносять дрожки удалыя
 По Пешербургской московой,
 И въасъ покинулъ мой Евгений.
 Општунникъ бурныхъ наслажденій,
 Онѣгинъ дома заперся,
 Зѣвая, за перо взялся,
 Хощѣль писать: но шрудъ упорный
 Ему быль шошенъ; ничего
 Не вышло изъ пера его,
 И не попаль онъ въ цѣхъ задорный
 Людей, о коихъ не сужу,
 За пѣмъ, чѣпо къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный бездѣлью,
 Томясь душевной пустынной,
 Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
 Себѣ присвоить умъ чужой;

Опрядомъ книгъ уставилъ полку ,
 Чишаль , чишаль , а все безъ шолку :
 Тамъ скука , шамъ обманъ и бредъ ;
 Въ шомъ совѣстї , въ шомъ смысла нѣтъ ;
 На всѣхъ различныя вериги ;
 И ушарѣла старина ,
 И старымъ бредишъ новизна .
 Какъ женщинъ , онъ оставилъ книги ,
 И полку , съ пыльной ихъ семьёй ,
 Задернулъ шраурной шафтой .

XLV.

Условій свѣща свергнувъ бремя ,
 Какъ онъ , отставъ отъ суешы ,
 Съ нимъ подружился я въ то время .
 Мне нравились его черпы ,
 Мечтамъ невольная преданносТЬ ,
 Неподражаемая странносТЬ

И рѣзкій, охлажденный умъ.
 Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
 Страстей игру мы знали оба:
 Томила жизнь обоихъ нась;
 Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
 Обоихъ ожидала злоба
 Слѣпой Фортуны и людей
 На самомъ ушрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жиль и мыслиль, чтопъ не можетъ
 Въ душѣ не презирать людей;
 Кто чувствовалъ, того превожитъ
 Призракъ невозвратимыхъ дней:
 Тому ужъ нѣть очарованій,
 Того змія воспоминаній,
 Того раскаянья грызетъ.
 Все это часто придаешь

Большую прелесть разговору.
 Сперва Онѣгина языкъ
 Меня смущалъ; но я привыкъ
 Къ его язвищльному спору,
 И шуткѣ, съ желчью пополамъ,
 И злосши мрачныхъ эпиграмъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтиею порою,
 Когда прозрачно и свѣпло
 Ночное небо надъ Невою⁸,
 И вода веселое стекло
 Не отражаетъ ликъ Діаны,
 Вспомня прежнихъ лѣтъ романы,
 Вспомня прежнюю любовь,
 Чувствительны, беспечны вновь,
 Дыханьемъ ночи благосклонной
 Безмолвно упивались мы!

Какъ въ лѣсъ зеленої изъ тюрмы
 Перенесенъ колодникъ сонной,
 Такъ уносились мы мечтой
 Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
 И опершился на гранишь,
 Спояль задумчиво Евгений,
 Какъ описаль себя Пинь 9.
 Все было тихо; лишь ночные
 Перекликались часовые;
 Да дрожекъ опдаленный спукъ
 Съ Мильонной раздавался вдругъ;
 Лишь лодка, веслами махая,
 Плыла по дремлющей рѣкѣ:
 И насъ плѣняли вдалекѣ
 Рожекъ и дѣсня удалая.

Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ окшавъ!

XLIX.

Адріащескія волны,
О Бренша, нѣпъ, увижу васъ,
И, вдохновенъя снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ свяшъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбиона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Ишаліи злашой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ Венеціанкою младой,
То говорливой, шо нѣмой,
Плыя въ шайнспіенной гондолѣ;
Съ ней обрѣшупъ успа мои
Языкъ Пепрарки и любви.

L.

Придешь ли часъ моей свободы?

Пора, пора: взываю къ ней;

Брожу надъ моремъ^ю, жду погоды,

Маню вѣшила кораблей.

Подъ ризой бурь, съ волнами споря,

По вольному распушью моря

Когда жь начну я вольный бѣгъ?

Пора покинуть скучный брегъ

Миѣ непріязненній стихіи,

И средь полуденныхъ зыбей,

Подъ небомъ Африки моей^и,

Вздыхашь о сумрачной Россіи,

Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,

Гдѣ сердце я похоронилъ.

LI.

Онѣгинъ былъ гошовъ со мною:

Увидѣшь чуждыя страны;

Но скоро были мы судьбою
На долгий срокъ разведены.
Ошецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Заимодавцевъ жадный полкъ.
У каждого свой умъ и шолкъ :
Евгений, пяжбы ненавидя,
Довольный жребиемъ своимъ,
Наслѣдство предоспавиль имъ,
Большой пощери въ шомъ невидя,
Иль предузнавъ издалека
Кончину дяди сшарика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Опть управителя докладъ ,
Что дядя при смерти въ посмелѣ
И съ нимъ проспившися быль бы радъ.

Прочия печальное посланье,
Евгений шопчась на свиданье
Стремглавъ по почшѣ поскакалъ
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Пригошовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
(И шѣмъ я началъ мой романъ);
Но, прилешѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на сполѣ,
Какъ дань, готовую земль.

LIII.

Нашель онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ споронъ
Съѣзжались недруги и други,
Охопники до похороцъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ъли, или,

И послѣ важно разошлись,
 Какъ будто дѣломъ занялись.
 Вопѣтъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
 Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
 Хозяинъ полный, а досель
 Порядка врагъ и распочишелъ,
 И очень радъ, что прежній пушь
 Перемѣнилъ на чпо нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
 Уединенные поля,
 Прохлада сумрачной дубровы,
 Журчанье шихаго ручья;
 На ширеїй роща, холмъ и поле
 Его не занимали болѣ;
 Потомъ ужъ наводили сонь;
 Потомъ увидѣль ясно онъ,

Что и въ деревнѣ скуча шаже,
Хоть нѣшь ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни карпъ, ни баловъ, ни сшиховъ.
Хандра ждала его на спражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глухи звучнѣе голосъ мирной,
Живѣе шворческіе сны.
Досугамъ посвяшившись невиннымъ,
Брожу надъ озеромъ пуспыннымъ,
И *far niente* мой законъ.
Я каждымъ ушромъ пробуждёнъ
Для сладкой нѣги и свободы:
Чипшаю мало, долго сплю,

Лепучей славы не ловлю.
 Не такъ ли я въ былые годы
 Провель въ бездѣйствіи , въ тиши
 Мои счастливѣйшіе дни?

LVI.

Цвѣты , любовь , деревня , праздность ,
 Поля , я преданъ вамъ душой .
 Всегда я радъ замѣшишь разность
 Между Онѣгінымъ и мной ,
 Чтобы насмѣшливыи чишаешь ,
 Или какой нибудь издашель
 Замысловатой клеветы ,
 Сличая здѣсь мои черпы ,
 Не поворяль пошомъ безбожно ,
 Что намаралъ я свой поршрепъ ,
 Какъ Байронъ , гордоспи поэпъ ,
 Какъ будто намъ ужъ невозможно

Пишасть поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ.

LVII.

Замѣчу ксшаси: всѣ поэпы
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ шайный сохранила;
Ихъ послѣ муга оживила:
Такъ я, беспеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, мой идеаль,
И плѣнницъ береговъ Салгира.
Теперь опѣ васъ, мои друзья,
Вопросъ не рѣдко слышу я:
« О комъ твоя вздыхаешь лира ?
« Кому, въ полнѣ ревнивыхъ дѣвъ ,
« Ты посвятилъ ея напѣвъ ?

LVIII.

« Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
 « Умильной лаской наградилъ
 « Твое задумчивое пѣнье?
 « Кого швой спихъ богошворилъ? »
 И, други, никого, ей Богу!
 Любви безумную превогу
 Я безопадно испыталъ.
 Блаженъ, кто съ нею сочепалъ
 Горячку рифмъ: онъ шѣмъ удвоилъ
 Поэзіи священный бредъ,
 Петраркъ шесшвуя вослѣдъ,
 А муки сердца успокоилъ,
 Поймалъ и славу между шѣмъ;
 Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась музъ,
 И прояснился шемный умъ.

Свободенъ, вновь ищу союза
 Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
 Пишу, и сердце не троскуется,
 Перо, забывшись, не рисуетъ,
 Близъ неоконченныхъ стиховъ,
 Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
 Погасшій пепель ужъ не воспыхнетъ,
 Я все грущу; но слезъ ужъ нѣть,
 И скоро, скоро бури слѣдъ
 Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ:
 Тогда-то я начну писать
 Поэму пѣсень въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана
 И какъ героя назову.
 Покамѣстъ моего романа
 Я кончилъ первую главу;

Пересмотрѣль все это строго:
Прошиворѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналишамъ на съдене
Плоды шрудовъ моихъ ошдамъ.
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное шворенье,
И заслужи мнѣ славы дань:
Кривые шолки, шумъ и брань.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ.

1. Но срѣденѣ сѣверѣ для менѧ.

Писано въ Бессарабіи.

2. Вдалі Италіи своей.

Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Акерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ *Ex ponto* онъ ясно назначаетъ мѣстомъ своего пребыванія городъ Толмы при самомъ устьѣ Дуная. Столъ же несправедливо и мнѣніе Больцера, полагающаго причиной его изгнанія шайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, десѧть лѣтъ тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ не чпо иное, какъ

догадки. Поэпъ сдержалъ свое слово, и
шайна его съ нимъ умерла:

Alterius facti culpa silenda mihi.

Прилѣт. Сот.

3. Кѣ Talon полтался.

Извѣстный респорапоръ шого времени.

4. Но и Дицло линѣ надовѣлѣ.

Черпа охлажденнаго чувспва, доспой-
ная Чильдъ - Гарольда. Балеты г. Дицло
исполнены живоспии воображенія и преле-
спи необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ
романтическихъ писателей находилъ въ
нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей
французской литературѣ.

5. Смѣлѣ тистить ногти передѣ ними.

Tout le monde sut qu'il mettait du blanc;
et moi, qui n'en croyais rien, je commençai
de le croire, non seulement par l'embellis-
sement de son teint et pour avoir trouvé des
tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce
qu'entrant un matin dans sa chambre, je le
trouvai brossant ses ongles avec une petite

vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

(*Confessions de J. J. Rousseau*).

Гrimъ опредилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чиcпятъ ногпii особенной щеточкой.

6. Вѣ Академитескій словарь.

Нельзя не пожалѣть, что наши писатели слишкомъ рѣдко справляются со словаремъ Россійской Академіи. Онъ оспа-непится вѣчнымъ памятникомъ попечительной воли Екатерины и просвѣщенаго труда наслѣдниковъ Ломоносова, спрогихъ и вѣрныхъ опекуновъ языка отечественна-го. Вотъ, что говоритъ Карамзинъ въ своей рѣчи:

«Академія Россійская озnamеновала са-мое начало бытія своеготвореніемъ, важ-иційшимъ для языка, необходимымъ для

авторовъ, необходимымъ для всякаго', кпо
желаєшъ предлагать мысли съ ясноспію ,
кто желаєшъ понимать себя и другихъ.
Полный словарь , изданный Академію ,
принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ ,
коими Россія удивляетъ внимательныхъ
иноzemцевъ. Наша , безъ сомнѣнія счаст-
ливая , судьба , во всѣхъ отношеніяхъ , еспѣ
какал-то необыкновенная скоростъ : мы
зрѣемъ не вѣками , а десятилѣтіями.
Италія , Франція , Англія , Германія слав-
ились уже многими великими писателя-
ми , еще не имѣя словаря : мы имѣли цер-
ковныя , духовныя книги ; имѣли спи-
шворцеъ , писателей , но только одного
испинно класситескаго (Ломеносова) , и пред-
ставили систему языка , копорая можетъ
равняться съ знаменитыми твореніями
Академій Флоренційской и Парижской.
Екатерина Великая... кто изъ насъ и
въ самый цвѣтущій вѣкъ Александра I
можетъ произносить имя Ея безъ глубо-
каго чувства любви и благодарности?...

ЕКАТЕРИНА, любя славу Россіи, какъ собственную, и славу побѣдъ, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плодъ трудовъ Академіи съ пѣмъ лестнымъ благоволеніемъ, коимъ Она умѣла награждать все доспехальное, и которое оспалось для васъ, милосердные государи, незавеннымъ, драгоценнейшимъ воспоминаниемъ. »

Прилѣт. Сот.

7. Что видѣлъ изъ раждаетъ сплинѣ.

Вся сія ироническая спирофа не чтило иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалилъ Лудовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностью и спирогую чистоплоту нравовъ съ этой воспочной прелестію, споль илѣнишней г-жу Спаль.

(См. *Dix années d'exil.*)

8. Ночное небо надъ водою.

Читатели помнятъ прелестное описание Петербургской ночи въ идилліи Гиѣдича:

«Вошь-ночь: но не меркнутъ златистыя полосы облакъ.
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальность.
На взморье далекомъ сребристыя видны вѣнрила
Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.
Сияньемъ безсумрачнымъ небо ночное сияеть,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ воспока:
Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное ушро. Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняешь
Сиянье волшебное шѣни и сладкаго сѣшпа,
Какимъ никогда не украшено небо полуночи;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва опѣнаються русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Пепрополемъ видны
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ шѣни;
Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончишь,
И пѣсни заводишь, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно; повѣяла свѣжеспѣнь на Невскія шунды;
Роса опусшилась; . . . .
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ пышащую весель
Нева не колыхнешь; разѣхались гости градскіе;
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все шико:
Лишь изрѣдка гуль чѣмъ мостовой пробѣжилъ надъ водою;
Лишь крикъ прошященный изъ дальней промчился деревни,
Гдѣ въ ночь окликается рабная стража со стражей.
Все спинъ . . . . *

9. Какъ описалъ себя Пітъ.

Въявъ богиню благосклонну
 Зрінъ воспорженный піишъ,
 Что проводилъ ночь безсонну,
 Опершишь на границѣ.

(Муравьевъ. Богинѣ Несы).

10. Брожу надѣлъ лиорелѣ.

Писано въ Одессѣ.

11. Подѣ неболѣ Африки моей.

Авторъ, со спороны матери, произхожденія Африканскаго. Его Прадѣдъ Абрамъ Петровичъ Аннибалъ на 8 году своего возраспа быль похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Константинополь. Россійскій посланникъ, выручивъ его, послалъ въ подарокъ Петру Великому, который крестилъ его въ Бильнѣ. Всльдъ за нимъ брашь его прїѣзжалъ сперва въ Константинополь, а попомъ и въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ; но Петръ I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибалъ помнилъ

еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ руками, связанными за спину, между пѣмъ, какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плавалъ подъ фонштандами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою Лагань, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся.

18-ти лѣтъ отъ роду, Аннибалъ посланъ былъ Царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи Регентства; онъ возвратился въ Россію съ разрублениной головой и съ чиномъ Французскаго лейтенанта. Съ тѣхъ поръ находился онъ не оплучно при особѣ Императора. Въ царствование Анны, Аннибалъ, личный врагъ Бирона, посланъ былъ въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскуча безлюдствомъ и жестокостію климата, онъ самовольно возвратился въ Петербургъ и явился къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣтовалъ ему скрыться не-

медленно. Анибаль удалился въ свои по-
мѣстья, гдѣ и жилъ во все время цар-
ствованія Анны, счидалась въ службѣ и
въ Сибири. Елизавета, вступивъ на пре-
сполъ, осыпала его своими милосплями.
А. П. Анибаль умеръ уже въ царство-
ваніе Екатерины, уволенный опѣ важ-
ныхъ занятій службы съ чиномъ Гене-
ралъ-Аншефа на 92 году опѣ рожденія.

Сынъ его Генералъ - Лейтенантъ И. А.
Анибаль принадлежитъ безспорно къ чи-
слу опличнѣйшихъ людей Екатерининскаго
вѣка (ум. 1800 году).

Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ
людей скоро исчезаетъ, по причинѣ недос-
тапка историческихъ записокъ, спран-
ная жизнь Анибала извѣстна только по
семейственнымъ преданіямъ. Мы совреме-
немъ надѣемся издать полную его біографію.

